

И. В. НЕМИРОВСКИЙ

СТАТЬЯ А. С. ПУШКИНА «АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ»
И ОБЩЕСТВЕННАЯ БОРЬБА 1801—1802 ГОДОВ

Немногие произведения Пушкина вызвали столько споров и противоречивых оценок, сколько статья «Александр Радищев» (1836).¹

Недоумение демократического читателя вызвало то обстоятельство, что Пушкин, казалось бы всегда тепло относившийся к Радищеву,² в итоговой статье поместил несколько крайне резких отзывов о «первом революционере».

То, что статья предназначалась в журнал «Современник», дало пищу для более или менее остроумных гипотез о том, как Пушкин, по выражению Герцена, «перехитрил» цензуру. Наиболее полно эта точка зрения представлена в работе В. Я. Якушкина «Пушкин и Радищев».³ Главная цель статьи Пушкина, считает автор, — привлечь внимание читающей публики к имени Радищева, остальное же нужно только для того, чтобы обмануть бдительность цензуры.

Такой взгляд оказался очень живучим; следуя ему, различные авторы стремятся нейтрализовать отношение Пушкина к Радищеву. При этом игнорируется прежде всего резкость пушкинских оценок: «Он (Радищев. — *И. Н.*) истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум прирорвленные ко всему, — вот что мы видим в Радищеве» (XII, 36).⁴

¹ См.: *Куканов А. М.* Проблема «Пушкин и Радищев» в дореволюционном и советском литературоведении // Учен. зап. Мордовского гос. ун-та. 1962. № 21. С. 27—86.

² См.: *Немировский И. В.* К вопросу об эволюции отношения Пушкина к А. Н. Радищеву: (От южной ссылки до статьи «Александр Радищев») // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII—XX вв. Таллин, 1985. С. 79—81.

³ *Якушкин В. Я.* О Пушкине: Статьи и материалы. М., 1899. С. 3—68.

⁴ Здесь и далее римская цифра обозначает номер тома, арабская — страницу по изд.: *Пушкин*. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1937—1949. Т. 1—16.

Необычайно резкий тон оценок — не единственная проблема, которую статья «Александр Радищев» ставит перед исследователями. Не меньшее удивление вызывает большое количество приведенных в ней фактов, не подтверждаемых известной нам биографией Радищева. Первым обратил на это внимание сын писателя П. А. Радищев.⁵ Действительно, утверждение Пушкина о том, что Радищев служил в собственной канцелярии Екатерины II, сведения о взаимоотношениях писателя с императорами Павлом I и Александром I и еще целый ряд положений противоречат даже тем источникам, которые Пушкин вполне мог иметь под рукой, — например, биографии Радищева, написанной его сыном П. А. Радищевым и хранящейся в библиотеке П. А. Вяземского.

При том, что анализ статьи в целом убеждает нас в очень кропотливой работе Пушкина с печатными источниками⁶ и в привлечении материалов, которые были совершенно недоступны рядовому читателю того времени, в том числе замечания Екатерины II на «Путешествие из Петербурга в Москву», труднодоступные мемуары княгини Е. Р. Дашковой, секретные записки императрицы.⁷

Как же связать столь тщательный характер работы Пушкина с различными источниками и имеющиеся в статье расхождения с современными сведениями о жизни Радищева?

Ответ, как нам кажется, заключается в том, что пушкинская статья — не только своеобразное обобщение всего того, что было сказано о Радищеве до Пушкина, но и сама по себе является важным и до сих пор не учтенным источником биографии «первого революционера». Произошло это потому, что, пожалуй, не в меньшей степени, чем на письменные источники, Пушкин опирался на устные рассказы о Радищеве, слышанные им от многих его современников, в частности от М. М. Сперанского, братьев Тургеневых (личность Радищева особенно привлекала Н. И. Тургенева). Во время южной ссылки поэт беседовал о Радищеве со старым масоном С. И. Тучковым; после возвращения из Михайловского он встречался в Москве с известным поэтом, бывшим министром юстиции И. И. Дмитриевым; очень вероятно, что личность Радищева не раз становилась темой их бесед. В Петербурге, в последний период своей жизни, поэт любил разговаривать с тет-

⁵ См.: Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.; Л., 1959.

⁶ А именно: «Переписка императрицы Екатерины II с разными особами» (СПб., 1807), содержащая рескрипт Я. А. Брюсу о придании суду Радищева; рецензия А. П. Бенитцкого на издание сочинений А. Радищева, предпринятое в 1806—1811 гг. (Цветник. 1809. № 2. С. 272—283). Возможно, что Пушкин был в курсе той полемики по вопросам белого стиха и гекзаметра, которая возникла в 1815 г. на страницах «Чтения в Беседе любителей русского слова» между В. В. Капнистом и С. С. Уваровым, осторожно пропагандировавшим творчество Радищева.

⁷ См.: Гиллельсон М. И. Пушкин и «Записки» Е. Р. Дашковой // Прометей. М., 1974. Вып. 10. С. 140—141.

кой своей жены, вдовой обер-шенка П. К. Загряжской, как пикто осведомленной в «закулисной» истории России. Наконец, источником сведений Пушкина о Радищеве могли быть и, скорее всего, были беседы с Н. М. Карамзиным.⁸ В Одессе Пушкин пользовался документами из библиотеки М. С. Воронцова («полу-милорда»), наследовавшего архив своего дяди, А. Р. Воронцова, друга и покровителя автора «Путешествия. . .».⁹

Пушкинская статья — не просто биография в привычном понимании этого жанра еще и потому, что поэт стремился предельно актуализировать те моменты мировоззрения Радищева, которые оставались злободневными к середине 30-х гг. XIX в.

Созданию статьи предшествовала работа Пушкина над циклом публицистических заметок, получившим название «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833—1835), в котором Пушкин по-новому прочитывает главы радищевского «Путешествия. . .». Однако личности Радищева уделено в пушкинском цикле не слишком много места, акцент сделан на творчестве «первого революционера». Жизни его посвящена статья «Александр Радищев», и если книга Радищева не вызывает сочувствия у Пушкина (о причинах речь пойдет дальше), то внешне негативные его отзывы о самом писателе явно содержат нотки восхищения: «Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться против общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины! И заметьте: заговорщик надеется на соединенные силы своих товарищей; член тайного общества, в случае неудачи, или готовится изветом заслужить себе помилование, или, смотря на многочисленность своих соумышленников, полагается на безнаказанность. Но Радищев один. У него нет ни товарищей, ни соумышленников. В случае неуспеха — а какого успеха может он ожидать? — он один отвечает за все по закону. Мы никогда не почитали Радищева великим человеком. Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем не извиняемым, а „Путешествие в Москву“ весьма посредственной книгою; но со всем тем не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным; политического фанатика, заблуждающегося, конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостью» (XII, 32—33).

Такой «отрицательный» отзыв стоит иных похвал. Тем более, что цитированный выше отрывок, явно или неявно, проецируется на судьбу самого Пушкина с ее самоотверженным противостоянием самодержавию.

Последнее замечание является, скорее, ассоциацией, чем утверждением, которое можно объективно обосновать. Но то, что пушкинская статья о Радищеве, при всем ее негативном харак-

⁸ Лотман Ю. М. Источники сведений Пушкина о Радищеве // Пушкин и его время. Л., 1962. С. 60—61.

⁹ См.: Алексеев М. П. Пушкин и библиотека Воронцова // Пушкин: Статьи и материалы. Одесса, 1926. Вып. 2. С. 95.

тере, содержит автобиографические реминисценции, давно отмечено исследователями.

Первым обратил на это внимание В. П. Семенников в своей известной работе «Радищев и Пушкин»: «Любопытно отметить, что в словах об отсутствии у Радищева даже „тени народности“ Пушкин буквально повторяет ту мысль, которую незадолго до того высказал „Московский телеграф“ Н. А. Полевого по поводу „Руслана и Людмилы“. Здесь, в рецензии на „Бориса Годунова“, говорится: „В «Руслане и Людмиле» нет и тени народности“». ¹⁰ Семенникову принадлежит и другое важное наблюдение о имеющейся параллели между фактами биографии Радищева в изложении Пушкина и судьбой поэта: «Когда-то его (Пушкина. — *И. Н.*) самого упрекали в том, в чем позднее он сам упрекал Радищева. Так, в 1817 г. друг Пушкина А. И. Тургенев, сообщая Жуковскому, что он ежедневно бранит Пушкина за леность и нерадение о собственном образовании, писал и вот что: „... к этому присоединились и вкус к площадному волокитству, и вольнодумство, тоже площадное 18-го столетия“». ¹¹

Число таких наблюдений умножил Б. П. Городецкий; ¹² обобщая их, В. Э. Вацуро писал: «И у Пушкина начинают возникать аналогии неожиданные и опасные. Судьба Радищева напоминала кое в чем его собственную. Император Павел, возвратив Радищева из ссылки, взял с него слово „не писать ничего противного духу правительства. Радищев сдержал слово“. Это о себе в 1826 году; требование Николая повторено почти дословно. А еще раньше Карамзин, на которого наложена обязанность к всевозможной скромности и умеренности»». ¹³

Автобиографический характер имеет и такое пушкинское положение в статье о Радищеве: «Радищев хотя и вооружается против материализма, но в нем еще виден ученик Гельвеция. Он охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма» (XII, 35). Выражение «чистый афеизм» встречается у Пушкина еще лишь однажды, в письме из Одессы П. А. Вяземскому (?) (1824): «Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрые строки романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил» (XIII, 92).

Выражению «чистый афеизм» суждено было сыграть зловещую роль в пушкинской судьбе: после перлюстрации письма оно стало формальной причиной высылки Пушкина из Одессы. ¹⁴ Итак,

¹⁰ Семенников В. П. Радищев. М.; Пг., 1923. С. 250.

¹¹ Там же. С. 276.

¹² Городецкий Б. П. «Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 224—225.

¹³ Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1986. С. 107.

¹⁴ «Но вы же и афей? вот что уж никуда не годится. — Ваше величество, как можно судить человека по письму, писанному товарищу, можно ли школьническую шутку судить как всенародную проповедь» (*Пушкин А. С. Воображаемый разговор с Александром I.* — XI, 23).

статья Пушкина — очень пристрастный документ, отражающий размышления поэта как о собственной судьбе, так и об актуальных вопросах своего времени.

Образ Радищева и радищевская тема присутствуют в творчестве Пушкина начиная с лицейских времен. Сочувственный интерес к «первому революционеру» особенно заметен в период работы над одой «Вольность» (1817) и, безусловно, во время южной ссылки, в период общения Пушкина с кишиневскими декабристами, из которых пост-декабрист В. Ф. Раевский, совмещавший антикрепостнический пафос с антидворянским, в особенности был близок Радищеву.¹⁵

В «Александре Радищеве» отношение Пушкина к первому революционеру совсем иное, чем в годы южной ссылки; работа над статьей завершает сложную эволюцию мировоззрения поэта. Понятно, что неправильно будет определить отношение Пушкина к Радищеву в 1836 г. как простое отрицание.

Как же конкретно изменилась пушкинская позиция и, главное, какие общественно-исторические причины вызвали это изменение — выяснение данного вопроса и станет целью настоящей работы.

Наиболее полемический характер носит та часть статьи, которая описывает последний период жизни Радищева, захватывая конец павловского — начало александровского царствований. Именно в это время суждения Радищева более чем когда-либо потеряли свою теоретическую отстраненность и стали живыми факторами русской общественной жизни, совпадая по некоторым пунктам с декларациями самого правительства.¹⁶

«Смиренный опытностию и годами, он (Радищев. — И. Н.) даже переменил свой образ мыслей, ознаменовавший его бурную и кичливую молодость < . . . > Увлеченный однажды львиным рыком колоссального Мирабо, он уже не хотел сделаться поклонником Робеспьера, этого сентиментального тигра» (XII, 34). Здесь многое вызывает вопросы. И прежде всего — что именно имел в виду Пушкин, утверждая, что в александровское царствование Радищев «переменил свой образ мыслей»?

Очерчивая границы источников, способных определить подобное отношение Пушкина к Радищеву, в первую очередь хотелось бы упомянуть о сведениях, полученных Пушкиным от человека державинского круга.

Соотнесение имени Радищева с именем Мирабо связано с Державиным, которому современники приписывали следующую эпиграмму на автора «Путешествия. . .»: «Езда твоя в Москву со истиною сходна, / Некстати лишь смела, дерзка и сумасбродна: /

¹⁵ См.: Брегман А. А., Федосеева Е. П. Владимир Федосеевич Раевский // Раевский В. Ф.; Материалы о жизни и революционной деятельности Иркутск, 1980. Т. 1. С. 5—11.

¹⁶ См.: Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России. СПб., 1888. Т. 1. С. 230 и след.

Я слышу на коней ямщик кричит: вирь! вирь! / Знать, русский Мирабо, поехал ты в Сибирь».¹⁷

Державин упоминается и в окончательном тексте статьи («Как иначе объяснить его (Радищева. — И. Н.) беспечную и страшную мысль разослать книгу ко всем знакомым, между прочим к Державину, которого поставил он в затруднительное положение»), и в предварительных набросках к ней («Дмитриев у Державина слышит от Козодавлева о „Путешествии“. Державин доносит о нем Зубову»).

Упоминание о последнем эпизоде свидетельствует о том, что Пушкин был в курсе слухов о неблагоприятном якобы поведении Державина в деле Радищева, которые активно муссировались в обществе не только в период самого процесса, но и позже, в начале александровского царствования.¹⁸

Заметим, что в окончательный текст статьи эпизод, связанный с Державиным, не вошел. Думается, что произошло это не от того, что Пушкин усомнился в его достоверности. Напротив, в архиве Воронцовых, к которому Пушкин имел доступ, поэт мог найти документы, подтверждающие сложный характер поведения Державина.¹⁹

В этой связи крайне важным представляется наблюдение В. А. Завадова о том, что наибольшее распространение слухи об участии Державина в деле Радищева получили в 1802—1805 гг., в самый разгар полемики по крестьянскому вопросу, в ходе которой столкнулись позиции всех «персонажей» пушкинской статьи: Державина, бывшего в начале александровского царствования министром юстиции, О. П. Козодавлева, крупного правительственного чиновника, впоследствии министра внутренних дел, А. Р. Воронцова, государственного канцлера, и, конечно, Радищева, стоявшего у истоков этой полемики.

В марте 1802 г. А. Р. Воронцов, как считают многие исследователи, вместе с Радищевым или по крайней мере не без его участия, поставил на обсуждение в Государственном совете проект закона, запрещающего продавать крестьян без земли.²⁰

¹⁷ Вчера и сегодня. М., 1845. Ч. 1. С. 63.

¹⁸ Завадов В. А. Державин и Пнин // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1965. Т. 24, вып. 6. С. 530—537.

¹⁹ Е. Р. Воронцова в одном из писем брату А. Р. Воронцову так рассказывала о роли Державина: «. . . когда Козодавлева посадили в коммерцию, то Державин сказал при многих: „Вот какой я души человек, что я не сказал о Козодавлеве, что он участие имел в сочинении Радищева. Козодавлев против меня не благодарен, меня злословит“ < . . . > Державин меня и брата злословит, я имею де способы изобличить обоих и не хочу. Для чего, когда Державин почувствовал ужас к следствиям преступного сего сочинения и, зная прямых сочинителей, марал и клеветал на честных людей. Вышеупомянутая речь мне передана от честного < . . . > человека, от Богдановича» (Архив князей Воронцовых. М., 1875. Т. 5. С. 224).

²⁰ См.: Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России. С. 250; Туманов М. Радищев // Вестник Европы. 1904. Кн. 2. С. 685—689; Семенников В. П. Радищев. С. 135; Павлов-Сильванский Н. П. Жизнь Радищева // Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1905. С. 291.

В «Путешествии. . .» (гл. «Городня») Радищев подробно описывает положение несчастных крестьян, проданных в рекруты корыстолюбивым помещиком. Сама возможность такого бесчестного торга была обусловлена правом продавать крестьян «на вывоз», т. е. без земли (именно так покупал «мертвые души» Чичиков).

Участие Радищева в подготовке правительственных реформ 1801—1802 гг. весьма вероятно, причем не только в рамках работы Комиссии по составлению нового Уложения. Сын Радищева Павел Николаевич утверждал, что в последние месяцы своей жизни писатель работал над обширным законопроектом, переданным впоследствии В. Н. Каразину.²¹

В. Н. Каразин — заметная фигура первых лет александровского царствования,²² поэтому его утверждение, что он «имеет некоторое влияние при дворе и доступ к одной высокой особе»,²³ соответствует истине.

Однако у нас нет свидетельств того, что император Александр I получил законопроект Радищева от Каразина или каким-то другим образом. Если, конечно, не считать пушкинской статьи: «Император Александр, вступив на престол, вспомнил о Радищеве и, извиняя в нем то, что можно было приписать пылкости молодых лет и заблуждениям века, увидел в сочинителе „Путешествия“ отвращение от многих злоупотреблений и некоторые благонамеренные виды. Он определил Радищева в комиссию составления законов и приказал ему изложить свои мысли касательно некоторых гражданских постановлений» (XII, 34).

Последний год жизни Радищева отмечен усиленным вниманием к нему со стороны императора: Радищев был единственным из всех чиновников комиссии по составлению нового Уложения, вызванным на коронацию в Москву (вместе с графом Завадовским). В течение 1802 г. все прочнее делалось служебное положение Радищева, ему повышен оклад (с полутора тысяч до двух, что равняло Радищева с другими членами комиссии), возвращен орден Св. Владимира 4-й степени. Наконец, находясь в стесненном материальном положении, Радищев обращается к императору с просьбой о значительной денежной ссуде. Этот шаг человека, только что возвращенного из ссылки, объясняется обстоятельствами, о которых мы можем только предполагать.

В день смерти Радищева, когда весть о тяжелом состоянии писателя достигла Зимнего дворца, император присылает своего лейб-медика Виллие — факт, на важность которого обратил внимание Ю. М. Лотман. Кроме Радищева в девятнадцатом веке подобной чести удостоились еще только два русских писателя — Н. М. Карамзин и Пушкин.²⁴

²¹ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. С. 99.

²² См.: Чтение в Обществе истории и древности. 1860. Кн. 3; 1861. Кн. 2; 1863. Кн. 3.

²³ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. С. 100.

²⁴ Лотман Ю. М. Источники сведений Пушкина о Радищеве. С. 53.

В работах советских исследователей установлено, что пдейная позиция Радищева не изменилась после возвращения писателя к служебной деятельности.²⁵ Однако определенные стороны его учения сделались полезны правительству в борьбе с дворянской оппозицией. Ибо, обещая дворянству возвращение золотых времен Екатерины, Александр I в то же время серьезно опасался дальнейшего усиления дворянского сословия, поэтому ограничение крепостного права мыслилось им как мера антидворянская. Именно поэтому осторожный Ц. Лагарп указывал императору на возможность дворянского недовольства. Один из наиболее радикально настроенных друзей императора, в будущем вошедший в Негласный комитет граф Строганов отвечал на это: «Оно (русское дворянство. — *И. Н.*) составилось из множества людей, приобретших дворянство только службою и не получивших никакого воспитания, которых все мысли направлены к тому, чтобы не постигать ничего выше воли императора; ни право, ни закон, ничто не может народить в них мысль о малейшем сопротивлении < . . . > Чего не сделано было в прошедшее царствование против этих людей, против личной их безопасности? Если когда-нибудь представлялся повод бояться чего-либо, то именно в эту эпоху. Приходило им это на мысли? Напротив, всякая мера, клонившаяся к нарушению прав дворянства, выполнялась с изумительной точностью».²⁶

Однако Строганов ошибался, не принимая в расчет дворянскую оппозицию новому законопроекту.

Закон о непродаже крестьян без земли не прошел обсуждения в Государственном совете, где императору напомнили, что «волнения 1767 и 1796 гг. произошли по менее основательным предложениям, и выражали опасение, чтобы крестьяне, а особенно толпы праздных и по большей части буйных дворовых, приняв установление сие за уменьшение или совершенное уничтожение прав помещичьих, не возмечтали, что сим сделались вольными».²⁷

Забегая немного вперед, скажем, что закон о непродаже крестьян без земли никогда не был принят, хотя его ставили на обсуждение еще много раз — и в александровское царствование, и позже.

Тогда же, в 1802 г., одним из главных противников нового закона стал Г. Р. Державин.

О том, насколько тесно связывал Державин антикрепостнические законы с ущемлением исторических прав дворянства, свидетельствует характеристика, которую он дал автору законопроекта о «вольных хлебопашцах» графу С. П. Румянцеву: «Румянцов выдумал (смею сказать, из подлой трусости угодить государю) средство, каким образом сделать свободными господских крестьян.

²⁵ См.: Пугачев В. В. А. Н. Радищев и французская революция // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. 1961. Вып. 52. С. 289—290.

²⁶ Семеновский В. И. Крестьянский вопрос в России. Т. 1. С. 244.

²⁷ См.: Там же. С. 240.

Он представил свой проект, стакнувшись наперед, смею сказать, с якобинскою шайкой — Чарторьжским, Новосильцевым и пр.»²⁸

Как министр юстиции, Державин задерживал обсуждение нового законопроекта, что в конце концов стоило ему министерского портфеля.

Парадокс ситуации заключался в том, что Державин осмыслял свое поведение как гражданское (так смотрела на Державина и дворянская оппозиция), а Радищев оказывался в правительственном лагере.

Противостояние Державин—Радищев было осознано современниками, что проявилось, например, в творчестве поэта-радищевца И. П. Пнина, в его оде «Человек» (1805).²⁹

Атмосфера начала александровского царствования с ее бурными спорами по крестьянскому вопросу была хорошо известна Пушкину. Одним из главных информантов поэта в этой сфере стал Николай Иванович Тургенев, не просто решительный противник крепостного права, но и сторонник отмены «хамства» сверху, так как декабрист не верил в то, что дворянство согласится добровольно расстаться с «правом» владеть крепостными душами. Такая позиция имела свою отчетливую специфику на фоне позиции, например, П. А. Вяземского и других радикально настроенных дворян, полагавших, что крепостное право — несомненное зло, но необходимо, чтобы помещики сами отказались от владения крепостными, — правительство не имеет права их заставлять.³⁰

Влияние Н. Тургенева на Пушкина в области освоения творческого наследия Радищева — тема, требующая специального рассмотрения. Давно отмечена тесная духовная связь декабриста с Пушкиным в период создания оды «Вольность» (1817), отчетливо ориентированной на одноименную оду Радищева. Несомненно, что и пушкинские строки «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный, / И рабство, падшее по манию царя» («Деревня», 1819) также написаны под воздействием Тургенева.

В начале 1820 г. Тургенев принял участие в обсуждении нового проекта закона, запрещающего продавать крестьян без земли. Как и в начале века, законопроект столкнулся с сильной дворянской оппозицией. Теперь ее возглавил адмирал А. С. Шишков, претендовавший на роль не только литературного, но и политического наследника Державина.

²⁸ Державин Г. Р. Записки // Державин Г. Р. Собр. соч. СПб., 1876. Т. 6. С. 259.

²⁹ См.: Прытков Н. В. И. П. Пнин и его литературная деятельность // Древняя и новая Россия. 1878. Т. 3. С. 23; Западов В. А. Державин и Пнин // Рус. литература. 1965. № 1. С. 114—115; иной точки зрения придерживается Ю. М. Лотман (Лотман Ю. М. С кем же полемизирует Пнин в оде «Человек»? // Рус. литература. 1964. № 2. С. 166—167).

³⁰ «Рабство — одна революционная стихия, которую имеем в России. Уничтожив его, уничтожим всякие предбудущие замыслы. Кому же, как не нам, приступить к этому < . . . > Но я все-таки повторяю: не правительству давать указы» (Вяземский П. А. Письмо к А. И. Тургеневу // Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 2. С. 15—16).

Для Шишкова вопрос о праве дворян владеть крепостными лежал исключительно в идеологической плоскости, в его решении адмирал не руководствовался никакими практическими соображениями, так как не пользовался доходами со своих имений.³¹

Общение Пушкина с Николаем Тургеневым падает на конец 10-х гг., когда идейная позиция поэта была иной, чем в тридцатые годы, во время работы над циклом статей «Путешествие из Москвы в Петербург» и очерком «Александр Радищев». Однако и в тридцатые годы Пушкин встречался с человеком, который имел непосредственное отношение к общественной борьбе начала александровского царствования. Мы имеем в виду М. М. Сперанского. Дневниковая запись Пушкина от 25 марта 1834 г. свидетельствует о том, что темой их бесед была деятельность комиссии по составлению законов, членом которой являлся Радищев.

1834 год — время работы Пушкина над «Путешествием из Москвы в Петербург», где полемика с Радищевым занимает заметное место. Однако если Сперанский и давал Пушкину какие-либо исторические сведения, то вряд ли он определял пушкинские оценки, так как являлся одним из активнейших проводников правительственной политики по крестьянскому вопросу как в начале века, так и в тридцатые годы. Сперанский несомненно сочувствовал Радищеву и был одним из тех, кто способствовал включению его в Комиссию по составлению законов.

Среди тех же, кто определял пушкинское отношение к Радищеву в тридцатые годы, едва ли не главное место занимал Н. М. Карамзин, чьи слова: «Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être rendu» * стали эпиграфом к статье «Александр Радищев».

Идейное противостояние Карамзина и Радищева подробно освещено в ряде исследовательских работ.³²

Карамзин — активный участник общественной борьбы начала александровского царствования, один из идейных вождей дворянской оппозиции. С начала 1802 г., т. е. с того времени, когда в Государственном совете началось обсуждение законопроекта Ворон-

* Не следует, чтобы честный человек заслуживал повешения (*фр.*).

³¹ «В один день, поутру, докладывают Александру Семеновичу, что к нему пришли его крестьяне и желают с ним переговорить (. . .) Это были выборные со всего села; поклонясь в ноги, несмотря на запрещение барина, один из них сказал, что «на мирской сходке положили и приказали им ехать к Барину в Питер сказать: что не берешь-де ты с нас, вот уже десять лет, никакого оброка и живешь одним царским жалованьем, что теперь в Питере дороговизна и жить тебе с семейством трудно; а потому не угодно ли тебе положить на нас за прежние льготные годы хоть по тысяче рублей, а впредь будем мы платить оброк, какой ты сам положишь; что мы по твоей милости, слава богу, живем не бедно, а от оброка не разорвемся». Услышав такие речи, дядя (Шишков. — *И. Н.*) пришел в неописанное восхищение, или, лучше сказать, умиление, не столько от честного поступка своих крестьян, как от того, что речи их, которые он немедленно записал, были очень похожи на язык старинных грамот» (*Аксаков С. Т.* Воспоминания об Александре Семеновиче Шишкове // *Аксаков С. Т.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 294—295).

³² См.: *Лотман Ю. М.* Источники сведений Пушкина о Радищеве. С. 50—66.

цова о запрещении продавать крестьян без земли, с чем и стали связывать возможность крестьянских волнений, а сторонники реформы были объявлены «якобинской шайкой», журнал «Вестник Европы» Карамзина поместил ряд статей из иностранной жизни в параллель русским событиям.

О том, знал или не знал Пушкин об этих публикациях, можно только предполагать, однако он несомненно был знаком с документом, в котором историк явно выразил свое неодобрение правительственным реформам начала 1800-х гг. Мы имеем в виду «Записку о древней и новой России» Карамзина (1811).

Существенное место в «Записке» уделено крестьянскому вопросу, прежде всего активно дебатированному законопроекту о непродать крестьян без земли. Причем если автор законопроекта А. Р. Воронцов мотивирует необходимость принятия закона, явно используя аргументы Радищева («сим средством, кажется, упредится постыдный промысел рекрутской продажи, более неудобной и более содрогающей человечество, нежели сама продажа людей без земли»),³³ то Карамзин в «Записке» полемизирует с автором «Путешествия. . .», настаивая на праве дворян продавать своих крестьян в рекруты, утверждая, что без этого «несчастные владельцы лишились средства сбывать худых крестьян или дворовых людей с пользой для себя и для общества; ленивый, невоздержанный исправился бы в строгой школе воинской < . . . > Законодатель должен смотреть на вещи с разных сторон, а не с одной, иначе, пресекая зло, может сделать еще большее зло».³⁴

Пушкин, разбирая главу «Городня» радищевского «Путешествия. . .», в своих полемических очерках также уделяет специальное внимание вопросу о рекрутах: «Радищев сильно нападает на продажу рекрутов и другие злоупотребления. Продажа рекрут была в то время уже запрещена, но производилась еще под рукою < . . . > запрещение сие имело свою невыгодную сторону: богатый крестьянин лишался возможности избавиться рекрутства, а судьба бедняков, коими торговал безжалостный помещик, вряд ли через то улучшилась» (XI, 261).

Первая редакция главы «Городня» пушкинского «Путешествия из Москвы в Петербург» писалась, по-видимому, в конце 1833-го или в начале 1834 г., как раз в то время, когда поэт тщетно пытался опубликовать «Записку о древней и новой России» Карамзина.³⁵ В это время призыв историка «смотреть на вещи с разных сторон» как нельзя более отвечал стремлению Пушкина к исторической объективности.

В тридцатые годы, как никогда ранее, решение крестьянского вопроса тесно связывалось с вопросом о дворянской независимости. Поэт с неодобрением следил за деятельностью разнообразных «тай-

³³ Рассуждение члена Совета, графа Воронцова, о непродать крестьян без земли // Архив Государственного совета. СПб., 1899. Т. 3. С. 779—780.

³⁴ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 77—78.

³⁵ См.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Указ. соч. С. 99—101.

ных» правительственных комитетов, создаваемых в это время.³⁶ С его точки зрения (исторические корни такой позиции мы попытались проследить), в отношениях между крестьянством и дворянством не должно быть никаких промежуточных звеньев.

Антидворянское решение крестьянского вопроса поэт связывал с именем Радищева, а свои представления о дворянской независимости — с идейной позицией Карамзина.

В политическом сознании Пушкина эти два имени находились в постоянном противопоставлении, увлечение одним всегда означало отрицание другого.

Конец 10-х — начало 20-х гг. — момент наибольшего увлечения Пушкина политическими идеями Радищева и одновременно период очень сложных и противоречивых взаимоотношений с Карамзиным. С середины 20-х гг. Пушкин стал испытывать все углубляющийся интерес к Карамзину, одновременно осложняется его отношение к Радищеву. При этом если книга Радищева в целом не принимается Пушкиным, то личность «первого революционера», его рыцарский фанатизм и безусловное бескорыстие продолжают восхищать поэта: «. . . не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным, политического фанатика, заблуждающегося, конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестью» (XII, 32—33).

³⁶ См.: *Абрамович С. Л.* Крестьянский вопрос в статье Пушкина «Путешествие из Москвы в Петербург» // *Пушкин: Исследования и материалы.* М.; Л., 1962. Т. 4. С. 209—214.